

ПОЭЗИЯ
БОЛЬШОГО
СЕРДЦА

Новый сборник стихов Халимат Байрамуковой знакомит читателя с миром большим, богатым, полным солнца, красок и свежести. С невольным облегчением пробегаешь мимо отдельных недостатков, потому что впереди видишь снова что-то очень хорошее. Творчество Халимат Байрамуковой — значительное явление уже потому, что является началом карачаевской литературной поэзии, и потому еще, что смелость первых шагов взяла на себя одаренная женщина (много ли женщин было в числе основоположников различных национальных литератур!). Полнота мироощущения, радость при соприкосновении с жизнью — каждый день как будто заново, сильная, емкая любовь к людям, к своему маленькому Карачаю — золотые качества поэзии Халимат Байрамуковой, в которые выливается гражданственность представительницы возродившегося народа.

Ее патриотизм горяч и благороден, самая крепкая любовь отдана Карачаю. «Я горянка!» — это ощущается почти во всех стихах. Поэтесса гордится красотой своего родного края, видит его с первозданным восхищением ребенка и одновременно с умудренностью старожилы.

Горы! Что вы сделали со мной?
Чем заворожили? Властным зовом
К подвигам горячим и суровым,
Или мудрой снежной сединой?

.....
...Горы любят сильных и бесстрашных,
Горы любят тех, кто любит горы.

У Байрамуковой есть несколько теплых коротеньких стихотворений, в которых она высказывает одну из своих излюбленных мыслей о молчаливой самоотверженной любви к тому

большому, что не требует слов,— к Родине, о той любви, для которой совершить подвиг и пойти на смерть — радость.

Думаешь, с криком «ура!»
Любят и верят сильнее?
Я не кричу «ура!»,
Я молча любить умею.
Молча,
Наверняка,
Вечно и неизменно.
Шум исчезает, как пена,
Но остается река
Там,
Где любовь глубока.

Вот образ, который мог родиться только здесь, среди величавых гор и бурных рек. Образ, который кажется особенно действенным, благодаря приторможенной ритмике стиха. Халимат Байрамукова считает Карачай колыбелью своего творчества. Однако ее патриотизм более широк. Диалектику своей любви раскрывает она в стихотворении «Люблю народ мой»:

«Люблю народ мой»,—
Открывалась книга
Моих стихов
Такой строкою скромной,
Но мой редактор молвил:
«Зачеркни-ка!
Должна любить весь мир,
Весь мир огромный».
Чья правда?
Он — любовью благородной
Весь мир объял. А свой народ—ни капли.
А я влюбилась в маленький народ мой
И через это — в целый мир.
Не так ли?

Целый мир — это не абстрактное понятие для Халимат Байрамуковой. Это миллионы людей, чьи живые души хочет она обнять своими стихами.

Для поэта, как для всякого творца, главное — быть необходимым в мире, жить для людей. Задача его — выйти за рамки своего маленького «я», чтобы личные ощущения расширились до

больших обобщений. Ведь поэт — это тот, кто может чутьем художника различить, достойна ли тема поэтического переложения, тот, чьи стихи способны затронуть чувствительные струны миллионов других людей.

Не теряя своего национального колорита, поэзия Байрамуковой перерастает в общезначимую, большую поэзию Человека.

Поэтесса старается вникнуть во все стороны жизни. Тематика ее стихов очень разнообразна: стихи патристические, философские, стихи о любви, о поэзии, о современных спорах, о пережитках прошлого, о радости и горе, о знакомых людях, о сыне.

Многие стихи посвящены жизненной философии поэтессы, пониманию целей и задач жизни: вечное движение и страсть — вперед, только бы не застыть за бумажной горой, не заснуть, не забыть про сердце, которого требует от нас время. Ступок этой философии заключен в стихотворении «Никогда у сердца не пыталась».

Я тебя гоню,
А ты — меня,—
Всадник превращается в коня,—
обращается она к своему сердцу.—

А теперь скорей, мой друг суровый!
Впереди барьер маячит новый,
Ну же!— мчись, беги, скачи, лети!
Горы дела ждут меня в пути.

Это ожидание нового дела, стремление неутомимо работать дает поэтессе жизнерадостность, уверенность в своих силах, ощущение переполненности творческими возможностями.

Размеренная, тупо-однообразная жизнь воспринимается автором, как самый опасный враг. Ею постоянно владеет беспокойство, обогащающее творческую натуру, причем даже форма его выражения — это спор с воображаемым собеседником:

Нет! Я не сижу,
Не лежу,

Не молчу!
Движенья!
Движенья,
Движенья хочу!
Задену кого-то,
Заденут меня,—
И так — до конца,
До последнего дня.

Беспокойство это рождается бесконечным ожиданием от жизни чего-то нового. Приходит удача, приходит беда, но новизна будущего волнует каждый день, заставляя ожидать счастья.

Снова и снова встречаются на страницах сборника стихи о счастье трудностей, о красоте и радости жизненных перемен.

Многие стихи Байрамуковой биографичны, может быть, поэтому они оставляют впечатление полного слияния ее лирического героя с личностью автора. «Разговор с портретом» — стихотворение, представляющее собой раздумья о том неожиданном познании, которое открылось в годы разоблачения культа,— это не просто отклик на исторические события, это трагедия человеческого разочарования и вместе с тем подъем гордости в связи с освобождением от тяжкого плена поклонения.

Память военных лет осталась в нескольких простых и прекрасных стихах, также вошедших в сборник. В них поэтесса не просто полностью осознает суровую опасность и трагичность этих необыкновенных лет, в них она в полной мере показывает человечность человека в любых условиях, даже в страшные годы войны. Вот женщина провожает в неизвестность любимого человека — с какой острой проникновенностью передается огромная и застенчивая женская любовь! Вот выжгло огнем глаза боевого товарища—какую буквально физическую боль ощущаешь при чтении этого стихотворения!

Несмотря на тяжелые годы молодости, вера в людей у Халимат Байрамуковой окрепла до возвышенного спокойствия, позволяющего взглянуть на жизнь и лю-

индивидуальным и глубоко национальным поэтическим мышлением. Годы у нее идут как путник в горы, взмах творческой фантазии сравнивается с крыльями орлицы, свое обращение с сердцем она уподобляет обращению наездника с быстрым конем, а мальчик-горец — это козленок, прыгающий по скалам.

Но, как уже говорилось, Байрамукова постоянно выходит за рамки только национальной поэзии, поэтому и ее конкретная образность, сохраняя свою форму, далеко распространяется за пределы круга представлений горцев.

Всю планету мне бы
Музыкой обнять!
А из песен небо
Новое создать!

Или:

Земля, как танцор на одной ноге,
Кружит на своей оси.

Иногда даже целые стихотворения представляют собой сценку-картинку, через которую поэтесса передает большое идейное содержание. Это, например, стихотворение о луне, пришедшей просить теплый солнечный луч, потому что ее дом без огня и тепла негостеприимен. Или уже цитированное стихотворение о глотке молока. Однако при всей богатой образности стихи Халимат Байрамуковой не были бы столь поэтичны, если бы не исключительная музыкальность, которая заключается не только в песенности ритмики и гармоничности звуко сочетаний (там, где перевод удачен), но также и в ощущении самой поэтессой музыки своей души, музыки окружающей жизни. Музыка ощущается ею в горах, в ручейках, бегущих из-под пяток мальчишек, в танце восемнадцатилетней земли, в добрых, красивых людях, ее соседях, в старинной легенде о девушке-джигите. Многие стихи сборника напоминают песни, они не читаются, а поются. И, наконец, третья особенность

творчества Халимат Байрамуковой — это некоторая афористичность мышления, которая выражается не только в коротеньких стихах-афоризмах непосредственно:

Песни времени — это
Сердце поэта.
Ну, а сердце поэта —
Фильтр времени это, —

но и в стихах большего размера, проблемных.

И некоторые из них принимаешь на веру, как совет умного человека, как народную поговорку («Джамиле Бухиред», «День и ночь»).

Однако в творчестве Халимат Байрамуковой есть ряд таких недостатков, на которые необходимо указать. Они касаются как внутреннего содержания стихов, так «стихотворной формы». Афористичность хороша, когда афоризм выдержан последовательно, потому что он сам по себе затормаживает дальнейшее движение мысли, он подобен математической аксиоме. Поэтому иной раз афористичность как достоинство поэзии переходит в ее недостаток, ибо рождает некоторую противоречивость. Халимат Байрамукова провозглашает: «Верь человеку!» Это прекрасное чувство, и оно правильно выражено во многих стихотворениях, но оно никак не может уместиться в афоризм, потому что очень многогранно. Поэтесса же пытается это сделать, когда в других стихотворениях утверждает веру в человека «вопреки всему» («Есть людская глупость»), А отсюда желание так относиться к людям, чтобы не обидеть их, не принести им никакой боли. «Верю в человека» в других стихах звучит как «не обидь человека».

Но когда бы снова чашей полной
Стала жизнь, я бы сказала ей:
Расплещись!
До капли.
Но запомни:
Никого не обожги!
Не смей!

В жизни это невозможно, если не оставаться в стороне от нее (а именно таковы жизненные принципы Халимат Байрамуковой).

Иногда в стихах Байрамуковой проскальзывает излишняя риторика. Поэтесса в некоторой мере подчиняется до сих пор существующей у нас в литературе, кино крикливой тенденции к штампованному благополучию и легкопобедным радостям. Это относится особенно к стихотворению «Мое поколение». Броско-плакатные, лишенные истинно глубокого смысла патриотические штампы неприятно поражают на общем фоне благородной настоящей любви к Родине, так тепло звучащей в других стихах.

Все отойдет, что было плохо,
И светел будет коммунизма дом,
И встретит нас далекая эпоха
В своем чеканном ритме молодом.

Подобные поэтические промахи вызваны стремлением к обобщенно-абстрактному изложению чувств, абсолютно не органичному, чуждому для Байрамуковой с ее ярко выраженной тенденцией к конкретизации мыслей. Отсюда и натужность, вялость некоторых стихотворных строк.

Одна ли я, в кругу ль друзей, подруг,
На улице и дома, днем и ночью,
Меня ведет какой-то добрый дух,
Я это знаю, вижу я воочью.
Дух времени ведет нас, осень.
Он крылья дал мне. Любит он меня.

Но, несмотря на указанные недостатки, поэзия Халимат Байрамуковой оставляет светлое, радостное впечатление. После чтения сборника остается доброе чувство удовлетворенности. Читатели, должно быть, честно разрешат дилемму, встающую еще перед поэтессой — забвение или признание, потому что они умеют отличать хорошее от дурного. Их должен захватить этот поток самоотверженной любви, льющейся со страниц сборника, эта многогранность

человеческой души и искренность
Большого Сердца.

О, если синим воздухом лесов
Повеет вдруг от этих скромных слов,
И зажурчит, и зашумит река,
Что прибежала с гор, издалека.
И если болезною вспыхнет гордой
Эльбрус двуглавый над тропею горной,
И станет, ветром гор родных дыша,
И молодой и мудрою душа,—
Тогда, мой друг, читай мои стихи.
Тогда они, наверно, неплохи...

ТАТЬЯНА КОЖЕВНИКОВА.